

ОСОБЕННОСТИ «СПОРА О ЖЕНЩИНАХ» В ИТАЛЬЯНСКОМ ГУМАНИЗМЕ XVI ВЕКА

Статья посвящена наиболее значимому этапу в развитии полемики между «противниками» и «защитниками» женщин в итальянской гуманистической литературе. Важнейшие идеи так называемого querelle des femmes, берущего начало главным образом в работах Боккаччо и Кристины Пизанской, полностью оформились именно в этот период. С помощью анализа двух важнейших для querelle XVI века произведений, трактата «о превосходстве и достоинстве женщин» Г. Ф. Капры и «Книги о придворном» Б. Кастильоне, мы изучили особенности «спора о женщинах» в Италии того времени с целью выявить основные результаты, сущность и направления его развития в данный период, поскольку они оказали ключевое влияние на формирование как про-, так и антиженских представлений Нового и даже Новейшего времени.

Ключевые слова: женщина, культура Возрождения, Италия, спор о женщинах.

M. V. Prorokova

CHARACTERISTICS OF THE DEBATE ABOUT WOMEN IN 16TH CENTURY ITALIAN HUMANISM

The article is devoted to the most significant period in the development of polemics between «defenders» and «enemies» of women in Italian humanistic literature. Principal ideas of so-called querelle des femmes, originating mainly from the works of Boccaccio and Christine de Pisan were completely formed in the 16th century. By means of analysis of two basic querelle works, «Della Eccellenza e Dignità delle Donne» by G. F. Capra and «Del Cortegiano» by B. Castiglione, we examined the peculiarities 16th century Italian dispute about women studying the essence, results and ways of its development, which later has become the basis for both profeminist and misogynist points of view in modern and even contemporary history.

Keywords: woman, Renaissance culture, Italy, dispute about women.

XVI век в Италии становится временем наивысшего подъема, а затем и заката всей ренессансной культуры. В этот период многие характерные для нее явления получают свое наиболее полное и яркое выражение. Справедливо это и в отношении ли-

тературного «спора о женщинах» — берущей свое начало в XV веке полемики защитников и противников женщин, пытавшихся по-новому определить их место в мире, дать оценку их природе и достоинствам. Ренессансный этап стал одним из

ключевых в развитии взглядов на женщину, определившим представления о гендерных ролях на несколько веков вперед и повлиявшим даже на сегодняшний «образ» женщины. В то же время он пока далек от того, чтобы считаться полностью изученным. Что касается традиции «спора о женщинах», то, будучи главной теоретической и идеологической основой ренессансных взглядов на женский пол, она становится сегодня предметом пристального внимания исследователей.

В западной историографии в последние десятилетия появляется все больше исследований, посвященных этой теме, вводятся в оборот новые источники, причем наибольшее число работ издается, пожалуй, в США (в том числе об итальянских женщинах). Крупные исследования о «женской истории» появлялись и ранее, но начиная с 1970-х годов интерес к этой теме значительно возрос. В 1977 году статья американской исследовательницы Джоан Келли «Было ли у женщин Возрождение?» [11, с. 137–164] вызвала бурную полемику в среде историков. Практически впервые в ней были поставлены под сомнение многие очень устойчивые прежде представления о роли и месте женщины в культуре, в социальной и политической жизни периода Ренессанса и, в частности, сам факт распространения на них основных принципов нового гуманистического мировоззрения. Это положило начало существенной переоценке исследователями взглядов на историю женщин в Возрождении, да и сама оценка значимости и актуальности гендерной тематики к настоящему моменту сильно возросла.

Для западных работ 70–80-х и отчасти 90-х годов прошлого века, посвященных этой проблематике (исследования таких авторов, как М. Кинг, А. Кемелло, Л. Жардин, Э. Р. Джонс, К. Джордан, Д. Шемек, П. О. Кристеллер, Й. Маклин и многих других), характерны резкие, полярные оценки, попытки определить касающиеся

женщин ренессансные произведения как сугубо про- или антиженские, а также внимание прежде всего к «социальному измерению», к гендерному аспекту женской темы. Позднейшие исследователи (Мэри Роджерс, Паола Тинальи, Ита МакКарти и другие) стараются придерживаться более взвешенного и широкого подхода.

В отечественной историографии в последние десятилетия «женская тема» также оказалась предметом внимательного изучения. К числу посвященных ей исследований принадлежат, в частности, работы М. Л. Абрамсон, А. Л. Ястребицкой, Ю. Л. Бессмертного, Л. П. Репиной, И. А. Красновой, Т. Б. Рябовой. Издается посвященный гендерным проблемам сборник «Адам и «Ева». Однако внимание исследователей пока сконцентрировано в основном на периоде до XV века, а история женщин позднего Возрождения и раннего Нового времени еще затрагивается мало.

Долгое время гуманизм, вознесший человека на вершину природной иерархии, как известно, не торопился распространить свои превосходные оценки на женщин, и в отношении них сохранялись, по существу, средневековые взгляды. Лишь со второй половины XV столетия в этой ситуации стали заметны изменения [6, с. 26], а в XVI веке «женская тема» приобрела новый характер и роль. Относительно и Возрождения в целом, и этого столетия невозможно говорить об однонаправленном, непротиворечивом развитии взглядов на женщин в итальянском обществе. Если в каких-то областях (как, например, в политике и юридических правах) для них мало что изменилось к лучшему, то в других, напротив, они добивались независимости и демонстрировали способность контролировать ситуацию даже в обстоятельствах, показавшихся бы непреодолимыми нашим современницам [14, с. 7–8]. И, несомненно, в эпоху Возрождения что-то изменилось в женском восприятии самих себя [12, с. 238]. Именно это заставило еще фран-

цузскую писательницу Кристину Пизанскую, столкнувшуюся с традиционно негативной оценкой ее пола мужчинами, в начале XV века выступить в его защиту, как позднее это стали делать и многие другие женщины. Кстати, к начатому ею диспуту с Жаном де Монтрейлем по поводу известного своей антиженской позицией «Романа о Розе» Жана де Мена, получившему название *querelle de la Rose*, восходит принятый сегодня в западной историографии термин, обозначающий весь «спор о женщинах» — *querelle des femmes*. Изменение самовосприятия, рожденное, скорее всего, традициями новой культуры, вместе с изменившимися условиями в сфере образования породило женский интерес к книжной учености. Женское образование, постепенно распространявшееся начиная с XV века все глубже от высших слоев общества к нижестоящим, привело к появлению в культуре множества известных женских имен — имен создательниц философских трактатов и поэзии, певиц и музыкантов, художниц, ораторов. Старый традиционный взгляд на женщин, их природу, предназначение и достоинства должен был подвергнуться в таких условиях самому серьезному пересмотру.

Долгое время в защиту женщин выступали прежде всего сами женщины, которые противопоставили собственный взгляд на свой пол тем негативным мнениям, которые раньше абсолютно преобладали в литературе авторов-мужчин. Причем в XVI веке количество таких женщин возрастает в разы. Но, помимо этого, развивается и другая традиция в рамках «спора о женщинах»: начиная с «De mulieribus claris» (1361–1375) Боккаччо в итальянской, а затем и в остальной европейской литературе возникает множество «защит», написанных авторами-мужчинами. Работа Боккаччо, описывающего деяния великих женщин прошлого и «возвращающего» их на страницы истории, создает своего рода канон в защите женщин, к которому считают своим

долгом обращаться почти все последующие авторы, пишущие на подобную тему [13]. И авторов этих к XVI веку становится очень много. В силу невозможности рассмотреть все направления *querelle* в рамках одной статьи, мы в данном случае сосредоточимся только на «мужских» произведениях, тем более, что их доля в «споре» все же значительно больше чем работ женщин, чье участие в литературной жизни всегда было сопряжено со множеством сложностей.

Надо сказать, что собственно работ, посвященных женщинам, и до XVI века создавалось немало, но эти произведения, посвященные чаще всего темам Любви и Красоты не имели к «спору о женщинах» непосредственного отношения, затрагивая не гендерные, а философско-эстетические проблемы. Немало подобных текстов создавалось и в чинквеченто, но, пожалуй, лишь у Бальдассаре Кастильоне наряду с образом «женщины в любви» был представлен и образ «женщины в обществе».

Первые «защиты», авторы которых, как и Боккаччо, обращались к примерам великих женщин, появились лишь во второй половине XV века и в большинстве были весьма ограничены: чаще всего они не предлагали принципиально нового «определения» женщины, а защищали саму ее способность обладать даже малыми, «традиционно женскими» достоинствами. Но значение этих «защит» трудно переоценить, потому что они первыми начинают подчеркивать и прославлять женские достоинства, впервые за долгое время освещать примеры добродетельных, храбрых и мудрых женщин в противовес множеству общеизвестных примеров женского зла, начиная мощную традицию «защитной» литературы мужчин, в полную силу раскрывшуюся в XVI веке. Эти же первые работы содержат в себе противоречие, сохраняющееся в той или иной форме и в следующем столетии, которое каждый автор по-своему пытается разрешить: несоответ-

ствие между приводимыми «защитниками» примерами великих женщин прошлого, обладающих всеми главными добродетелями, и теми требованиями, которые авторы предъявляют к женщинам современности. В «защитах» XVI века это противоречие также получает свое развитие.

Итак, в XVI веке в силу множества факторов, к которым относится в первую очередь значительное увеличение числа образованных и влиятельных женщин вместе с возросшей потребностью в положительных женских примерах, «спор о женщинах» в литературе достигает своего наивысшего развития, став одним из центральных дебатов гуманистической литературы. Причем большинство текстов содержат защиту и оправдание женского пола (таковы, например, произведения Д. Бруни да Пистойя, Л. Дардано, К. Бронцини, Л. Доменики, О. Ландо, С. Сперони и многих других), в то время как его открытая критика довольно редка. Если произведения в защиту женщин XV века, как подчеркивает Памела Бенсон, за редким исключением являлись литературой маргинальной, малоизвестной, то работы XVI века были известны куда лучше, по много раз переиздавались и, вероятно, пользовались популярностью [8, с. 6].

Рут Келсо считает, что можно условно выделить по меньшей мере четыре позиции, характерные для писавших о женщинах авторов в XVI веке [10, с. 11–12]. Первая — оценка женщины как зла, но зла неизбежного и необходимого; вторая — как добра, но лишь в узких рамках исконного женского предназначения, которое, разумеется, делает ее по самой природе своей ниже мужчины. Некоторые авторы, и таких было, на самом деле, куда больше чем представителей первых двух групп, заявляли о равенстве и одинаковом достоинстве мужчины и женщины; другие шли еще дальше и утверждали превосходство женских добродетелей над мужскими. Но, как мы увидим ниже, даже такие возвышавшие

женщину взгляды содержали серьезнейшие ограничения, и авторы, которые их придерживались, вовсе не бросали скольконибудь серьезного вызова обществу.

Две работы, появившиеся в начале XVI века, стали основополагающими для всего дальнейшего развития «спора о женщинах», впервые проявив особенности, которые явились затем характерными чертами практически всех подобных произведений и служили важнейшим источником их идей и приемов «защиты» женщин: «Книга о придворном» (1528) Бальдассаре Кастильоне [1] и трактат «О превосходстве и достоинстве женщин» (1525) Галеаццо Флавио Капры [2]. На примере этих двух ключевых для *querelle* XVI века работ мы и хотели бы представить ниже его основные характеристики в этот период. Несмотря на значительные отличия текстов друг от друга и тот факт, что произведение Кастильоне было гораздо известнее в чинквеченто, хотя многочисленные заимствования у Капры позднейшими авторами также подтверждаются исследователями [8, с. 205], нам представляется, что именно вместе, в сравнении и противопоставлении, они способны передать как особенности, так и разброс мнений, который существовал внутри *querelle*, породив различные типы «защит».

Трактат Галеаццо Флавио Капры (1487–1537), дипломата, сделавшего карьеру при дворе Сфорца, был издан в Риме в 1525 году. Это произведение, в котором Капра, споря с «недругами» женщин, на основе последовательного рассмотрения женских добродетелей доказывает их превосходство над мужскими, очень широкой известности не имело*. Став первой работой такого рода на итальянском языке и заложив многие традиции в литературной защите женщин, оно быстро оказалось в тени вышедшей в 1528 году в Венеции «Книги о придворном» Бальдассаре Кастильоне (1478–1529), по праву считающейся одним из шедевров ренессансной прозы**.

Несмотря на существенные различия в форме и содержании, книги Капры и Кастильоне сильно перекликаются во множестве частных аспектов при рассмотрении женщины, что лишний раз указывает на их место как продолжателей давней традиции *querelle*. Собственно, содержание работы Кастильоне гораздо шире «спора о женщинах», и в центре повествования в ней находится, как и следует из названия, придворный и его идеальный портрет, рисуемый автором. Если по форме работа Капры — это трактат, посвященный одной узкой теме — защите женщины, то произведение Кастильоне — это сложно структурированный диалог, где участники представляют разные точки зрения на женский пол, в том числе и очень консервативные, хотя наиболее сильной выглядит именно позиция «защитника», Джулиано Медичи. Диалог представляет собой якобы происходившую при Урбинском дворе в течение четырех вечеров 1507 года беседу, все участники которой — реальные исторические лица. Среди них — многие видные представители аристократии и гуманисты, а во главе всех — герцогиня Елизавета Гонзага, действительно являвшаяся центром культурной жизни двора и многократно воспеваемая Кастильоне. Тема женщины, оказывающаяся в центре обсуждения в третьей книге «Придворного» и лишь слегка затрагиваемая в других книгах, не является для участников диалога основной, на что они многократно указывают, призывая вернуться к обсуждению придворного. Тем не менее Кастильоне считает необходимым сделать частью этого разговора и создание портрета идеальной придворной дамы, *donna di palazzo*, без которой невозможны ни портрет придворного, ни жизнь двора [1, с. 173–174]. И это еще одно свидетельство в пользу того, что «спор о женщине» приобретает в гуманистической среде этого времени большую значимость, тем более что «Придворный» очень быстро выходит за рамки рассмот-

рения только придворной дамы, обращаясь к теме женщины в целом.

Произведения, относящиеся к *querelle*, не исключая работы Капры и Кастильоне, формируют устойчивые образы «защитников» и «противников» женщин. Практически любая подобная работа предваряется своего рода самопрезентацией, где автор говорит о своих мотивах и целях, которые преследует в тексте. При этом многие «защиты» рисуют и яркие портреты «врагов» женщин, строя оправдание женщин на контрасте как с моральными образами оппонентов, так и, разумеется, в споре с их аргументами. Капра посвящает первый раздел своего трактата «доказательствам, что женщина есть меньше, чем мужчина» [2, с. 65], пересказывая самые известные доводы «врагов» женщин, с которыми он намерен спорить. В диалоге Кастильоне имеются такие персонажи, как ломбардский дворянин Гаспаро Паллавичино и будущий священнослужитель Николо Фриджио, которые последовательно представляют в споре антифеминистскую точку зрения, оперируя практически тем же набором аргументов. Эти аргументы восходят к античным представлениям об ущербности женской природы по сравнению с мужской, основанным на трудах Аристотеля и Галена, к авторитету «поэтов и всех других авторов, которые во множестве произведений называют женщину изменчивой и непостоянной» [2, с. 66], а также, отчасти, взглядам Священного Писания (хотя обращений к нему значительно меньше, чем, например, в XV веке; в основном оно привлекается, когда речь заходит о поиске исторических примеров недостойных или, наоборот, добродетельных женщин).

Для понимания сути «спора о женщинах» в XVI веке намного более ценным представляется, однако, анализ не образов «противников», а того, как «защитники» представляют в произведениях самих себя и свои мотивы. Перечислив аргументы против женщин, используемые оппонента-

ми, Капра говорит: «...желание утверждать противоположное покажется вещью не только новой и неслыханной, но и почти невозможной... попытаюсь таким образом выкорчевать ложное и глупое людское мнение, надеясь за это получить благодарность и от женщин, которые с моей помощью узнают о своем благородстве, и от мужчин, которые, понимая превосходство женского пола, сочтут для себя честью быть соединенными с такими благородными победительницами» [2, с. 66–67].

Хотя Капра говорит о «превосходстве» (*eccellenza*) женского пола, уже сам его подход к рассмотрению темы свидетельствует, что он вряд ли понимает его как преимущество женщин по сравнению с мужчинами, тем более такое, которое позволило бы говорить о необходимости изменения реальной ситуации в любой сфере. Он прежде всего обращает внимание на возможную благодарность со стороны женщин и новизну предмета. И то, и другое, очевидно, действительно имело большое значение для авторов, писавших «защиты». Кастильоне от лица синьора Гаспаро пишет: «вы наверняка хотели бы меня заставить говорить некоторые слова, которые оскорбляли бы душу этих синьор, чтобы сделать их моими врагами, так как вы, обольщая их фальшиво, желаете заслужить их благоволение» [1, с. 180]. А позднее Гаспаро признается, что «...значение этих синьор достаточно, чтобы заставить его лгать» [1, с. 181]. Выше мы уже говорили о растущем влиянии женской читающей публики и важности женщин-патронов. Как на одну из причин, побудивших его опубликовать книгу, автор «Придворного» ссылается на то, что одна из ранних копий его произведения, сделанная для Виттории Колонны, маркизы Пескары, была с ее разрешения переписана и получила распространение в Неаполе [4, с. 469–470]. В XVI веке возрастающее внимание к женской аудитории создавало необходимость если не быть, то хотя бы казаться защитником

ее интересов. На основе анализа произведений *querelle* Андроники Диалети делает вывод, что образ «защитника» как представителя небольшой группы просвещенных и благородных людей, выделяющихся благодаря этим качествам среди общей массы, превращает эту «защиту» в своего рода моду [9].

На самом деле, стремление писателей-мужчин выступать в защиту женщин, доказывая ложность адресованных им обвинений, могло быть обусловлено целым рядом причин, среди которых первостепенное значение вряд ли имела «борьба за справедливость». Упомянутая выше «мода», вероятно, была во многом связана с распространением в это время в гуманистической среде неоплатоновских идеалов [7, с. 5–38]. Они предполагали превознесение возвышенных чувств, любви как желания наслаждаться красотой, а за образец предлагались отношения, требовавшие от хорошо воспитанного и образованного мужчины бескорыстного, «рыцарского» служения даме и защиты ее чести. Ее образ, как это видно, например, из четвертой книги «Придворного», посвященной поведению в делах любви, связывался с Любовью и Красотой, а защита ее, таким образом, была и защитой интересов влюбленных мужчин, Любви как таковой. В то же время противники женщин представлялись зачастую как люди, несчастливые в личной жизни, обойденные Любовью и потому обвиняющие женщин из желания отомстить за причиненные ими обиды. Об этом свидетельствует, например, следующий диалог из «Придворного» (один из многих подобного рода): «...я видел много красивых дам, которые были очень плохими, жестокими и злыми; кажется, это почти всегда так, ибо красота делает их высокомерными, а высокомерие — жестокими. Граф Лодовико усмехнулся: Вероятно, они кажутся вам жестокими, потому что не угождают вашим желаниям...» [4, с. 551]. А во второй книге того же произведения Бернардо Биббьена,

обращаясь к синьору Гаспаро, критикующему женщин, предупреждает его, что он этими словами «наносит вред не только женщинам, но и всем мужчинам, которые их уважают» [1, с. 167].

Но для многих авторов *querelle* написание «защит» вообще было ориентировано на женские интересы лишь в очень малой степени. Приводившаяся выше цитата из трактата Капры, характеризующая его цели при написании работы, а также множество деталей в его последующем оправдании женщин практически не оставляют сомнений в том, что, стремясь на словах доказать их «превосходство» и представляя себя еще одним благородным защитником, он не обращается к ним как к равной части своей читательской аудитории, а адресует свои слова прежде всего мужчинам, защищая женщин с позиций их ценности для мужского пола. Его трактат, как, в общем-то, и большинство произведений *querelle* в XVI веке, оказывается проженским в аргументации, далеко шагнувшей в сравнении с работами предшественников, но в противопоставлении «мы — они», в характере восприятия женщин, а также в огромном множестве других, незаметных на первый взгляд деталей, по-прежнему просвечивает значительная ограниченность авторского понимания женского «превосходства».

Подобный характер защиты женщин, даже безупречной по форме, с четкими и все более отработанными аргументами, но лишенной авторского сочувствия, становится характерным для большинства произведений *querelle* в XVI веке. Это заставляет некоторых исследователей говорить о складывании, особенно к концу столетия, риторической традиции, когда «спор о женщинах», формально выполняя задачу защиты и оправдания, на самом деле оказывается пустым упражнением для ума. Подобную тенденцию можно объяснить, если учесть, что и своеобразная мода на защиту женщин, и важность следования ей для формирования позитивного социально-

го образа мужчины, тесно переплетались, скорее всего, с возрастающим влиянием женской публики. Следование запросам читающих женщин, безусловно, было одним из мотивов, побуждавших немалое количество авторов к созданию их произведений. Причем если до XVI века практически все «защиты» создавались «придворными» писателями, ориентовавшимися на вкусы дворов (и могущественных патронесс), то в чинквеченто новым ярким явлением становятся «защиты», написанные так называемыми *poligrafi*. *Poligrafi* — писатели, зачастую сравнительно низкого происхождения, из кружков, складывавшихся вокруг быстро развивавшихся в XVI веке крупных издательств [9]. Будучи финансово зависимыми от покупательского спроса на их книги, они стремились привлечь любую возможную аудиторию, в том числе и растущую женскую. Еще одним аргументом в пользу уважения к мнению женщин становились также последствия, которые могла иногда повлечь за собой неосторожная критика. Рут Келсо приводит свидетельство автора XVII века Кристофоро Брончини о том, как публикация в 1599 году в Равенне работы Джузеппе Пасси «*I donneschi difetti*» («Женские недостатки») вызвала такой гнев женщин, что в последующих своих произведениях автор сменил позицию на прямо противоположную и принялся восхвалять красоту и добродетели «слабого пола» [10, с. 9].

Несмотря на рост женского влияния и превращение «оправдательных» взглядов в наиболее передовые и востребованные в образованном обществе, с содержательной точки зрения, «защиты» постепенно становятся все слабее, лишь формально выполняя свою функцию и зачастую не отражая действительную позицию автора. Еще одна причина этого разрыва формы и содержания заключается, по всей вероятности, в том, что «защитники» вынуждены искать тонкий баланс между переоценкой взгляда на женщину вообще, ставшей необходимой

в связи с новыми реалиями, и нежеланием переоценки ее роли в обществе, которая, если ее допустить, может привести к чересчур радикальным последствиям. Памела Бенсон в этой связи говорит о наличии у авторов-мужчин так называемых «стратегий самозащиты» [8, с. 2, 5]. Действительно, практически любой из них определяет для себя границу в оправдании женщин, дальше которой он заходить не хочет, хотя этого иногда явно требовала бы логика. При этом писатели находят такому ограничению некое логическое объяснение, своеобразный клапан, выпускающий напряжение и делающий все их выводы социально безопасными. Именно в свете такого стремления к самозащите можно оценить истинный смысл и значение литературы в защиту женщин, поняв ее глубинное противоречие. Здесь можно вновь обратиться к произведениям Капры и Кастильоне с тем, чтобы наглядно рассмотреть это противоречие на их примере.

Большинство авторов XVI века уже не осмеливаются говорить о превосходстве мужской природы над женской. Мнение, что женщина, по меньшей мере, так же важна, как и мужчина, и, с точки зрения природы, различия между ними несущественны — это тот минимум, который уже практически не отрицается, ложась в основу литературы *querelle*. Но с признаваемыми женскими добродетелями все оказывается далеко не таким однозначным. Прежде всего можно выделить несколько подходов к пониманию того, что такое добродетели у женщин. Эва Киттэй и Диана Мейерс, а вслед за ними и Памела Бенсон говорят о двух возможных взглядах на это. Одна часть авторов, как и в предшествующие века, отрицая за большинством женщин способность к главным добродетелям, под которыми традиционно понимались благоразумие, храбрость, умеренность и справедливость, признают эту способность за некоторыми из них, выдающимися и исключительными. Именно к ним применим

термин *virago*, и это женщины, уподобившиеся мужчинам, «заключившие мужскую душу в своих телах» [8, с. 4–5]. Смысл же второго подхода — в том, что женский пол наделен своими собственными, специфическими добродетелями, «пассивными» по своей сути, но при этом оцениваемыми большинством пишущих о них авторов как превосходящие мужские [8, с. 5].

Первого подхода придерживается, на наш взгляд, Кастильоне, который делает попытку, пусть и не всегда с достаточной ясностью, отделить от обычных женщин Женщину Дворца и наделить ее особыми качествами и ролью. Так, переходя к подробному описанию качеств придворной дамы, он, устами Джулиано Медичи, предлагает оставить в стороне «...те достоинства души, которые у нее общие с придворным, такие как благоразумие, великодушие, сдержанность и многие другие, и точно так же те качества, которые соответствуют всем женщинам: быть доброй, скромной, уметь управлять имуществом мужа и его делами, и детьми, когда замужем, и все те стороны, которые требуются хорошей матери семейства» [1, с. 175–176]. Кастильоне разделяет, таким образом, группы добродетелей, уподобляющие Женщину Дворца придворному и присущие «всем женщинам». Последних он если и не лишает особых «придворных» качеств, то, по крайней мере, не считает таковые для них необходимыми.

Капра, называющий «главные добродетели» среди присущих женщинам, оказывается, при более внимательном рассмотрении того, что он под этими добродетелями понимает, сторонником, скорее, второго подхода. Так, например, Капра говорит применительно к женщине, об одной из главных добродетелей — благоразумии. Однако у женского благоразумия — «особые свойства» [3, с. 341] и особое применение, оно проявляется иначе, чем мужское. По словам Капры, более важна способность не заработать, а сохранить зара-

ботанное. И потому «...сохранение имущества вместе с приобретенными вещами и управление домом принадлежит женщинам, и каждый день видно, что там, где женщинам не отдано руководство домом, дела обстоят плохо. Возьми торговца, он не боится проплывать все моря и [преодолевать] на них все опасности, чтобы заработать и скопить добро для подрастающих детей, [но] всякое усилие в конце концов тщетно, если его скромная жена не позаботится усердно об имуществе и добре, нажитом мужем» [3, с. 341]. Сходным образом «по-особому» Капра трактует и другие качества, как, например, умеренность и силу духа.

Здесь автор демонстрирует способность перевернуть факты, как это было характерно для тактики «защитников», часто представлявших минусы женского положения достоинствами, и применение женского благоразумия лишь в рамках домашнего хозяйства оказывается почти привилегией, важнейшим делом, достойным высочайшей добродетели. Правда, этот аргумент вряд ли направлен на то, чтобы убедить самих женщин в завидности их роли. Как и в других случаях, здесь Капра тоже обращается, по сути, лишь к мужской аудитории, рассматривая женщин с точки зрения их «полезности». Мужчин он затем даже успокаивает, убеждая, что управление хозяйством не означает возвышения женщин над ними даже в масштабах дома [3, с. 342]. Таким образом, Капра доказывает наличие у женщины важнейшей добродетели, возвышает ее, но лишь для того, чтобы найти применение этому достоинству в рамках прежней, ничуть не изменившейся роли.

Возможно ли другое применение женского благоразумия? По мнению Капры, — да, и таковым оно когда-то и было, но времена эти остались в прошлом. И этому он предлагает следующее объяснение: «...в старину гражданские должности занимались как женщинами, так и мужчинами, и когда-то женщины создавали многие зако-

ны... Но потом, с течением времени, злодейство мужчин возрастало, и [они], не сдерживаясь, говорили между собой на судах, в присутствии женщин, слова бранные и дерзкие; женский пол, чтобы не слушать такие грубости и гадости, был из судов удален; и оттого эти судебные должности остались среди мужчин...» [2, с. 108]. То есть женская добродетельность, по мнению Капры, хотя и превосходит мужскую, но — такого свойства, что делает место во власти для них неподходящим. А мужчина принимает власть, чтобы женщину защитить. Капра ограничивается тем, что в противовес «противникам» доказывает потенциальную способность женщин занимать должности, а ответить, почему они этого больше не делают, он либо не стремится, в силу «скользкости» темы, либо даже не задается таким вопросом, потому что принимает современное ему положение вещей как данность. Даже несмотря на кажущуюся неправдоподобность объяснения «передачи власти» у Капры, более убедительной истории, вероятно, не требовалось, по крайней мере, для читателей-мужчин, о чем свидетельствуют столь же невероятные рассказы об отказе женщин от власти у других писателей.

В «Придворном» Кастильоне вопрос о социальной роли женщины намного более запутан и неоднозначен. В этом произведении тоже имеет место «самозащита» как стремление возвысить женщину, не придавая ей новой роли. В третьей книге Джулиано Медичи неоднократно высказывается в пользу разного подхода и разных требований к мужчине и женщине, говоря, например, что «...хотя некоторые качества являются общими и, таким образом, необходимыми мужчине так же, как и женщине, есть еще некоторые другие, которые больше подходят женщине, чем мужчине; и некоторые, подобающие мужчине, от которых женщина должна быть во всем далека» [1, с. 174–175]. Хотя речь идет прежде всего о таких, казалось бы, малозначительных

вещах, как манера поведения, внешний облик и занятия для досуга, которые Кастильоне считает подобающими только одному из полов, этот подход, скорее всего, можно распространить на женское поведение в целом (поскольку более значимых предметов обсуждения, выходящих за узкие рамки придворной жизни, автор, очевидно, старается избегать). При этом Кастильоне преподносит свои требования к женщине в форме идеала [1, с. 178], не говоря о том, чего женщина делать не может или не должна. Вместо этого он указывает на то, как ей не следует поступать с точки зрения стремления к идеалу. Его Женщине Дворца не отказано в главных, общих с мужчиной, добродетелях, но достоинства, необходимые Идеальной женщине, — совсем иные, сугубо женские. Однако стремление к ним он оставляет делом ее доброй воли (если не учитывать, насколько влиятельными и авторитетными «идеалы» Кастильоне позднее оказались на деле).

Однако решение Кастильоне проблемы взаимоотношений женщины с властью в контексте превознесения им же Елизаветы Гонзага, по сути, правившей в Урбино из-за болезни герцога, как образца практически всех возможных достоинств, оказывается более сложным. Кастильоне приводит примеры выдающихся женщин, способных править, издавать законы и воплощать главные добродетели в их «мужском смысле», относящихся не только к далекому прошлому, как это сделал Капра, но и к современности. Он перечисляет целый ряд имен могущественных правительниц, особое внимание уделяя испанской королеве Изабелле Кастильской [1, с. 199–201]. Когда же синьор Гаспаро обращается к Джулиано Медичи со словами: «удивляюсь все же, что раз вы отдаете женщинам и ученость, и сдержанность, и благородство, и умеренность, вы не хотите также, чтобы они управляли городами и издавали законы, и командовали армиями, а мужчины находились на кухне или за прялкой»,

Джулиано отвечает: «Возможно, это еще было бы неплохо. ... Но я не передал им эти обязанности, потому что создаю Женщину Дворца, а не Королеву» [1, с. 180].

Таким образом, главная «стратегия самозащиты» у Кастильоне заключается в том, что он просто отказывается выходить за рамки избранной им темы, отказывается углублять свои рассуждения. Взгляды этого автора на женщин тоже значительно ограничены таким же образом, что и у его современников, и это проявляется уже в самом факте отказа давать ясные суждения по «опасным» темам. Но очень значимо, на наш взгляд, уже то, что, в отличие от многих писателей *querelle*, он не отказывает аргументам «защиты» в возможности дальнейшего развития. «Женский вопрос», который он включает в изложение, по сути, всей своей гуманистической концепции, очевидно, имеет в его глазах продолжение и перспективу.

Тем не менее даже сравнивая произведения всего двух авторов, Капры и Кастильоне, и учитывая все сказанное о них выше, невозможно поставить одно впереди другого в том, что касается прогрессивности «защиты» или глубины выводов. Потому что если в определении, например, потенциала женщины Кастильоне идет дальше Капры, то в других аспектах, например, в вопросе о женском образовании, это не так. Учитывая реалии XVI века, о которых мы уже говорили выше, в вопросах образованности самым консервативным «защитникам» было бы сложно отрицать возможности женщин — тем более, большинство из них общались с учеными дамами лично. Поэтому вопрос образования становится в «защитных» произведениях областью зачастую самых серьезных уступок в пользу женщин, выделяется на общем фоне и еще более усиливает противоречивость подобных произведений.

Обращаясь к проблеме женской учености у Кастильоне, можно, однако, обнаружить, что здесь он весьма сдержан на вос-

хваления. С одной стороны, он, казалось бы, придерживается высокого мнения об умственных способностях женщин, поскольку «...все вещи, которые могут понять мужчины, точно так же могут понять еще и женщины; и куда проникает разум одного, может проникнуть также разум другой...» [1, с. 182]. Однако там, где речь заходит об обучении, автор далек от превосходных оценок. Нельзя сказать, чтобы он уделял этому вопросу много места, но когда речь все же о нем заходит, обнаруживается, что образование он относит к особым привилегиям придворной дамы, а не женщин вообще, о которых он говорил перед этим. Еще примечательней то, в чем автор видит для женщин смысл и пользу учения. «И поскольку слова, под которыми нет предмета какой-либо значимости, пусты и наивны, нужно, чтобы Женщина Дворца, кроме умения понимать качества того, с кем разговаривает, чтобы общаться любезно, имела бы знание о многих вещах. Так она может, разговаривая, выбирать те вещи, которые соответствуют качествам того, с кем разговаривает, и быть осторожной в том, чтобы не говорить порой, не желая, слова, которые его обижают» [1, с. 177].

Таким образом, женская ученость у Кастильоне не идет дальше служения потребностям и интересам общества, к которому принадлежит придворная дама. Это не та гуманистическая ученость и образованность, которая так высоко ценилась в Возрождении. Она ограничена узкими рамками ее предназначения. Поручение же мужчинам защиты женщин, иногда даже неспособных, как показано у Кастильоне, понять и оценить действия своих же защитников [1, с. 183–185], а также, следовательно, ответственности и власти, таким образом, оправдано.

Иной тональности при рассмотрении вопроса об образовании придерживается Капра. Можно даже говорить о том, что в этой сфере он делает самую заметную ус-

тупку женщинам. Капра полагает, что благоразумие, как бы он ни понимал его применительно к женщинам, служит в них источником проницательности, желания и способности учиться, интеллекта, разума и сдержанности в суждениях [3, с. 343]. Он считает неоправданной мужскую критику женского ума, основанную на том факте, что они, например, «...не отправляются в Павию изучать законы» [2, с. 89], не получают профессионального и наиболее высоко ценимого образования. Капра выдвигает довольно смелое по сравнению с другими авторами мнение, что женские таланты не могут должным образом развиваться, потому что им этого не позволяют, и женщины не упражняются потому, что, даже если расходуют время на учебу, как мужчины, «...не добиваются того же успеха, и работают больше, чем они» [2, с. 89]. Правда, в этом вопросе, как и во многих других, он опять всего лишь ограничивается констатацией факта неравенства возможностей, но никаких решений проблемы не предлагает.

Таким образом, «портрет» женщины в произведениях *querelle* в Италии XVI века при ближайшем рассмотрении оказывается очень сложным, многосоставным, пребывающим в постоянной динамике и полным противоречий. По сравнению с предшествующими веками происходит значительный шаг вперед: гуманистическая защита женщин престаёт быть аномалией, превращаясь, наоборот, в важную дань времени и даже требованиям общества. Превознесение человека распространяется и на женщин, их природа признается равной по достоинству мужской, многие недостатки, приписанные традицией, отрицаются, а список добродетелей пополняется не только «чисто женскими» качествами, но и главными мужскими доблестями. Признание женщин как блага становится частью благородного образа мужчины, а также связывается с другими потенциальными выгодами: поддержкой могущественных женщин-патронов, расположением все бо-

лее влиятельной образованной женской аудитории. Но хотя голоса противников женщин уже гораздо менее многочисленны, и открытая критика становится, скорее, исключением из правила, большинство авторов-защитников не может или не хочет дать ясные ответы по самым острым аспектам «спора о женщинах»: роли и месту женщины в обществе, ее способностям и предназначению. Разрыв между традицией «защиты» и реальностью, где существует немало женщин, уже не вписывающихся даже в обновленные каноны, становится все заметнее. Эта традиция развивается, на наш взгляд, как «констатация» происходящих в положении женщин изменений, попытка их осмыслить, оценить и даже «вписать» в привычный порядок вещей.

Причина этого заключается в том, что авторы, на самом деле, накладывают ограничения на потенциальное развитие «спора о женщинах», ищут пути сделать его социально безопасным, не несущим угрозы существующему общественному устройству, что в сочетании с изменением оценки женщин и рождает большинство заключенных в их произведениях противоречий. Вместе с тем рост дискурса «защиты», приобретение ими статусной значимости и превращение с течением времени некоторых «новых» взглядов на женщину в общепринятые (не во всех, но хотя бы в высших слоях общества) не могло не менять социальный климат, влиявший на возможность приобретения женщинами значимых ролей в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

*На русский язык трактат переводился в отрывках Н. В. Ревякиной [3. С. 340–349]. В остальных случаях цитируется в нашем переводе.

**На русский язык О. Ф. Кудрявцевым переводились 1-я и 4-я книги «Придворного», в остальных случаях цитируется в нашем переводе.

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

1. *Castiglione B.* Il Libro del Cortegiano. Milano, 1911.
2. *Capra, G. F.* Della Eccellenza e Dignità delle Donne / A cura di Maria Luisa Doglio. Roma, 1988.
3. *Капра Г. Ф.* О превосходстве и достоинстве женщин / Пер. Н. В. Ревякиной // Человек — Культура — История. М., 2002.
4. *Кастильоне Б.* О придворном // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха возрождения: быт, нравы, идеалы / Пер. О. Ф. Кудрявцева. М., 1996.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. *Михайлов А. Д.* Кастильоне. Мемуарная и биографическая проза // История всемирной литературы: В 8 т. М.: АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. 1985. Т. 3.
6. *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.
7. *Шестаков В. П.* Ренессансная философия любви, ее отражение в живописи и поэзии // Образы любви и красоты в культуре Возрождения. М., 2008.
8. *Benson P. J.* The Invention of the Renaissance Woman: The Challenge of Female Independence in the Literature and Thought of Italy and England. University Park, Pennsylvania, 1992.
9. *Dialetti A.* 'Defenders' and 'Enemies' of Women in Early Modern Italian *Querelle des Femmes*. Social and Cultural Categories or Empty Rhetoric? // The Fifth European Feminist Research Conference «Gender and Power in the New Europe», Centre for Gender Studies (University of Lund) & ATHENA, University of Lund, Σοφεία 2003.
10. *Kelso R.* Doctrine for the Lady of the Renaissance. Champaign, 1978.
11. *Kelly-Gadol J.* Did Women Have a Renaissance? // *Becoming Visible: Women in European History* / Ed. R. Bridenthall and C. Koonz. Boston, 1977.

-
12. *King M. L.* Women of the Renaissance. Chicago; London, 1991.
 13. *Kolsky S.* The Ghost of Boccaccio: Writings on Famous Women in Renaissance Italy. Turnhout, 2005.
 14. *Rogers M., Tinagli P.* Women in Italy 1350–1650: Ideals and Realities. A Sourcebook. Manchester, 2005.

REFERENCES

Istochniki i perevody

1. *Castiglione B.* Il Libro del Cortegiano. Milano, 1911.
2. *Capra G. F.* Della Eccellenza e Dignità delle Donne / A cura di Maria Luisa Doglio. Roma, 1988.
3. *Kapra G. F.* O prevoshodstve i dostoinstve zhenwin Per. Revjakinov N. V. // *CHelovek — Kul'tura — Istorija*. M., 2002.
4. *Kastil'one B.* O pridvornom // *Opyt tysjacheletija. Srednie veka i jepoha vozrozhdenija: byt, navy, idealy* / Per. O. F. Kudrjavceva. M., 1996.

Literatura

5. *Mihajlov A. D.* Kastil'one. Memuarnaja i biograficheskaja proza // *Istorija vseмирnoj literatury: V 8 tomah* / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. M., 1985. T. 3.
6. *Rjabova T. B.* Zhenshchina v istorii zapadnoevropejskogo srednevekov'ja. Ivanovo, 1999.
7. *Shestakov V. P.* Renessansnaja filosofija ljubvi, ee otrazhenie v zhivopisi i poezii // *Obrazy ljubvi i kra-soty v kul'ture Vozrozhdenija*. M., 2008.
8. *Benson P. J.* The Invention of the Renaissance Woman: The Challenge of Female Independence in the Literature and Thought of Italy and England. University Park, Pennsylvania, 1992.
9. *Dialeti A.* 'Defenders' and 'Enemies' of Women in Early Modern Italian Querelle des Femmes. Social and Cultural Categories or Empty Rhetoric? // *The Fifth European Feminist Research Conference «Gender and Power in the New Europe»*, Centre for Gender Studies (University of Lund) & ATHENA, University of Lund, Σοφηδία 2003.
10. *Kelso R.* Doctrine for the Lady of the Renaissance. Champaign, 1978.
11. *Kelly-Gadol J.* Did Women Have a Renaissance? // *Becoming Visible: Women in European History* / Ed. R. Bridenthal and C. Koonz. Boston, 1977.
12. *King M. L.* Women of the Renaissance. Chicago; London, 1991.
13. *Kolsky S.* The Ghost of Boccaccio: Writings on Famous Women in Renaissance Italy. Turnhout, 2005.
14. *Rogers M., Tinagli P.* Women in Italy 1350–1650: Ideals and Realities. A Sourcebook. Manchester, 2005.